

— Мама, мамочка! Погляди, какую я красивую буковку нарисовала! Учитель меня похвалит и даст конфету! — радостно воскликнула темноволосая и алоглазая девочка. Выскочив из-за невысокого, специально доставленного в их апартаменты стола для учёбы, она побежала к маме, радостно размахивая тетрадью.

В отличие от родителей и старшего брата, Рейка очень быстро привыкла к новым условиям жизни. Конечно, сначала она, как и вся родня, дичилась господских хором, где одно кресло стоит больше всего их бывшего хозяйства. Но шли дни — и, помня наказ Куроме «чувствовать себя, как хозяйева», будущая волшебница и впрямь стала вести себя, словно у себя дома. (Сестрёнка обещала, что если Рейка захочет и будет хорошо учиться, то сможет овладеть всамделишным волшебством — а она хочет, очень-очень-очень хочет!)

Поведение обслуги, которая не отругала её даже после разбитой вазы, тоже этому немало способствовало. Хотя от родителей ей всё равно влетело, поэтому маленькая егоза старалась быть осторожней и не бегать со всех ног рядом с хрупкими вещами.

Единственное, что её огорчало — это отсутствие других детей, с которыми можно поиграть. Рейка немножко скучала по старым подружкам, и даже по мальчишкам: хоть они и вредные, зато с ними можно подраться и помириться. Что ж, подружки остались далеко-далеко. Но зато у неё появился добрый старый учитель, который очень увлекательно рассказывал всякие истории, учил юную воспитанницу правильно играть в настоящую леди... и — награждал её сладким за каждый новый серьёзный успех!

Девочка искренне верила, что попала в сказку, а её старшая сестра — то ли добрая волшебница, то ли фея. Разумеется, во многих сказках, что ей рассказывали мама, папа и деревенские старики, феи и волшебницы оказывались не очень добрыми (или даже очень злыми, фу-фу-фу!), да и сами сказки частенько кончались плохо. Но она помнила и несколько хороших: с добрыми феями, прекрасными принцами и счастливым финалом. Её сестрёнка пришла именно из такой сказки. И никак иначе! И она тоже, когда вырастет, станет сильной, умной и красивой. И доброй, как Куроме! Старшая сестра вообще стала для младшенькой непререкаемым авторитетом. Мама была, есть и будет самым любимым человеком, но сестрёнка — та, чьи слова имеют вес даже больший, чем утверждения обоих родителей и брата.

— Очень красивая буква, — улыбнулась женщина, посмотрев на плод дочкиных стараний, и погладила Рейку по блестящим от чистоты, вкусно пахнущим жидким мылом волосам. —

Учитель тебя обязательно похвалит, — мать с теплотой посмотрела на ребёнка, наряженного в премилое белое платьице, в котором девочка смотрелась, словно настоящая маленькая госпожа.

— Умница ты моя! Красавица! — переполненная нахлынувшей нежностью, Кая присела, крепко обняла дочку и поцеловала в лоб.

Рейка потёрлась лицом о её щёку.

— Я тоже очень-очень тебя люблю, мамочка!

— Только ты води себя хорошо, доченька. Слушайся старших и никому не груби, — сказала Кая, поглаживая малышку. В голосе зазвучали нотки беспокойства.

— Ну, ма-а-ма-а! — надулась девочка. — Я не такая задиристая, как братик Джин. Я даже мальчишек не колотила. Целый месяц!

— Конечно, моя хорошая. Все хорошие девочки должны быть послушными и не должны драться, — Рейка нежилась в сильных и ласковых материнских руках, не замечая тени, пробежавшей по лицу родительницы.

В отличие от младшей дочери, которая по детской наивности ещё верила в сказки со счастливым концом, а оттого легко вписалась в новую реальность, её мать до сих пор периодически глодало подспудное чувство тревоги. Битая жизнью и господской плетью деревенская баба не верила в чудеса... по крайней мере, в добрые. Да, она, как и Рейка, теперь мало напоминала себя прежнюю: хорошая одежда и различные, порой весьма смущающие процедуры превратили её из почти старухи в интересную женщину. Уложенные в красивую причёску, блестящие силой и здоровьем иссиня-чёрные волосы, нежная, словно в юности, кожа... даже грубые от тяжелой работы, покрытые мозолями кисти с узловатыми суставами превратились в нежные и ухоженные ладошки.

Невероятно, но благодаря докторам, массажистам и другим умельцам, названия профессий

которых из-за замурённости пациентка даже не запомнила, начал пропадать даже старый багровый рубец от плети! Он теперь напоминал бледную нить, со временем грозя и вовсе исчезнуть. Да она словно помолодела на полных десять лет!

...Помолодела — и перестала узнавать себя в отражении. Никогда — ни в двадцать пять, ни в шестнадцать — Кая не выглядела... такой. Глядя на образ холёной красавицы, что смотрела на неё из безумно дорогого ростового зеркала в резной золочёной раме, женщина чувствовала себя неуютно, словно коварством и ложью заняла чужое место, не принадлежащее ей по праву. Будто она обманщица, преступница, которую вот-вот выведут на чистую воду и арестуют, обвинив... да в чём угодно!

Двигая этим чувством, она втихую собирала кое-какие наиболее скромные вещи (дорогие, как и серебро, она брать боялась, пусть и являлась, вроде как, их хозяйкой) и мешочек с едой долгого хранения, наподобие солонины и сухарей — на всякий случай.

Мужчины, пускай и хорохорились по извечной привычке сильного пола, но... Кая ведь не слепая. Она изредка замечала отражение своих чувств и в глазах приёмного сына, и на периодически хмуращемся челе мужа. Они тоже не верили в добрые чудеса. Впрочем, Джин ещё молод и чересчур увлечён погоней за юбками местных, по мнению Каи, чрезвычайно распущенных девиц, чтобы слишком задумываться над будущим. А супруг погружён в радостные эмоции от вернувшейся к нему способности нормально ходить, не испытывая боли.

Всё-таки удивительные чудеса творят доктора этого волшебного места! Позавчера Сон, словно настоящий мальчишка, показывал сыну, как он умел плясать в молодости, а потом и вовсе подхватил жену на руки так, будто им снова по шестнадцать!

...И ночью у них всё произошло так же ярко, как в почти позабытой юности.

Это-то и тревожило. Всё обстояло слишком хорошо, Кая и во сне давно уж не видела столь светлых и ярких сюжетов. Диссонанс ожиданий и реальности будил тревогу, тихо нащёптывая: не бывает такого, не с вами, не с тобой, за всё придётся платить!

Учитывая, что платить им нечем, тревога только усиливалась. Женщину начали иногда посещать кошмары. Косвенным подтверждением нехороших ожиданий стало недавнее

избиение Джина, который, как оказалось, подрался с какими-то татями, вступившись за честь девушки. Кая тогда проплакала целый день, напуганная синяками на лице сына, всерьёз, до заполошного стука сердца в груди встревоженная грядущей реакцией страшных бандитов и хозяев курорта.

И реакция не замедлила последовать, вот только совершенно не та, которой страшилась и ожидала крестьянка. К ним явилась целая толпа, среди которой были и понурые обидчики её приёмного сыночка, и чем-то обеспокоенный (Кая сказала бы даже точнее: напуганный... но разве может такой важный человек бояться?) начальник курорта, и какой-то незнакомый господин с холодными, волчьими глазами.

И все они искренне извинялись, отвечивая поклоны различной глубины, а страшный господин и начальник санаторно-курортного комплекса, к удивлению небольшого семейства, преподнесли им ценные подарки.

Господа! Им! Да разве ж такое возможно? И почему все они выглядели такими напряжёнными?

Женщина не понимала, что происходит, и оттого тревожилась ещё сильнее. Дочь обещала заглянуть где-то в нынешних числах, надо с ней обязательно поговорить! Продолжая обнимать свою девочку, Кая оглядела богатую обстановку одной из многих комнат их хором и подумала: если Куроме ради всего этого просила за них кого-то важного, то лучше им съехать в другое место. Мать совсем не хотела отягощать доченьку, которая и без того делает для них так много.

Слишком много. Не по заслугам.

— Мам, ну хватит. Я уже большая, мне заниматься надо, — разомлевшая Рейка нехотя зашевелилась в её объятьях, отвлекая Каю от накручивания нервов.

— Конечно, моя сладкая, — улыбнулась родительница, со схожей неохотой отпустив «пленницу». — Но... доченька, ты точно хочешь учиться? Разве ты не знаешь, что грамотеек не берут замуж?

— Сестра сказала, что это в деревне так. В городе — все грамотные, — парировала девочка. — А ещё она сказала, что я смогу стать волшебницей, а волшебницам можно не выходить замуж!

— Наша Куроме выбилась в большие люди, но она ещё очень молода, — покачала головой похорошевшая и, в общем-то, ещё далеко не старая брюнетка.

— Всё равно! Лучше учить буквы, чем драться, как братик Джин!

— Не надо ругать Джина, он наш мужчина и защитник. Как папа.

— Я, когда вырасту, тоже буду вас защищать! Я могу поколотить всех мальчишек, даже на две зимы старше! А когда стану большой, буду ещё сильнее! Так сестрёнка Куроме сказала! — спрыгнувшая с материнских коленей девочка, от избытка чувств начала подпрыгивать на месте и размахивать руками, отчего зажатая в правой тетрадь уподобилась махающей крыльями птице.

— Тише-тише, порвёшь же! Что тогда учителю показывать будешь? Куроме тоже обещала скоро приехать. Ты же хочешь показать сестре, какая ты умная и старательная? — с хитринкой прищурилась Кая.

— Да! Точно! Сейчас нарисую её имя! Я уже умею! — Рейка немедля принялась подпрыгивать и размахивать руками в три раза сильнее. Вылетевшая из руки тетрадь стала закономерным итогом этой вспышки активности.

— Ой! Мам, а куда она улетела?!

— Растеряха ты моя, — с улыбкой вздохнула родительница, направившись в место приземления свободолюбивой тетрадки. — Смотри у меня: будешь баловаться — скажу папе, — погрозила она разом притихшей дочке.

Девочке совсем-совсем не хотелось сводить новое знакомство с розгами, которые почти не использовал добрый дедушка-учитель, но зато не стеснялся применять отец.

Динь-дон! — прозвенел дверной звонок, сигнализируя о прибытии гостя.

— Это, наверно, наш папа опять забыл ключ, — встрепенулась женщина. — Держи, моя маленькая, — передав ребёнку тетрадь, она поспешила к дверям.

Впрочем, её уже опередила служанка — крупная и молчаливая особа с тяжёлой челюстью и почти мужской фигурой. А за дверью оказался отнюдь не её супруг.

— Доченька?

— Ага, — улыбнулась Куроме. — Я ведь обещала зайти. Здравствуй, мама.

— Сестра! И-и-и! — выглянувшая из коридора Рейка, завидев, кто пришёл, шумным метеором устремилась к хрупкой фигуре старшей родственницы.

«Исхудала, бедная! — подумала Кая, глядя на заострившиеся черты лица юной девушки и проявившиеся под глазами синяки. — Ужели правда за нас страдает?!»

* * *

Стоило подхватить на руки шумный комок радости и счастья, как меня потянули за стол. Мама, извиняясь за то, что не разобралась с кухонной машинерией и не может угостить дочку, «такую худенькую и бледную, словно с голодного края», собственной стряпнёй, принялась суетливо накрывать на стол.

«М-да, а ведь это я ещё успела восстановиться и даже набрать часть потерянного веса, — прозвучало в голове при взгляде на развившую бурную деятельность мать. — Правильно не стала спешить».

Пускай напряжённый бой имел свои последствия, как и применение несколько большего количества своей и чужой праны, чем организм способен выдержать без повреждений; однако, по большому счёту, они оказались мягче ожидаемых, во многом ограничившись плохим самочувствием на следующий день (первые дни ломки после отказа от стимулятора проходили пусть и немного, но хуже), неважным в течение ещё нескольких, а также потерей и так скудных запасов жира. Ну, и измождённой внешностью, которая со временем тоже вернётся в норму.

...а пока лишь играет на руку замыслившей хитрость имперской убийце, «потерявшей всех могучих монстров и упустившей тварь Ультимейт-класса».

Тем временем к Кае присоединилась некрасивая служанка, что открывала мне дверь, а также её более молодая и пухленькая, но немногим более симпатичная версия. Похоже, моё пожелание подбирать не слишком красивую, а главное — не приученную болтать прислугу исполнили достаточно качественно. По крайней мере, в области внешних данных придраться не к чему.

Собственно, подозревать прислугу в излишней болтливости не стоит... слишком сильно. Санаторно-курортный комплекс, куда я заселила родственников, в основном ориентирован на состоятельных личностей, которые уважают тишину и приватность. Иными словами, на высокопоставленных мафиози. Мои подчинённые — вернее, связанная с Синдикатом не напрямую группировка — вытащили из серьёзных неприятностей молодого и самоуверенного наследника одной из крупнейших местных ОПГ и заимели в должниках как самого юнца, так и его родителя. Парень, забывшись, повёл себя в Столице столь же нагло, как и дома, а люди Счетовода ему немного помогли встретиться с неприятностями — потенциально опасными, но разрешимыми.

Таким образом верхушка одной из банд, которую мои подопечные втихую держат за горло, получила свою долю «пряника», а Синдикат приобрёл дополнительный, не связанный с ним напрямую инструмент — ведь об изменении статуса группировки знал только её глава, а также несколько его приближённых, которым выгодно держать язык за зубами.

Дальше — проще: Счетовод получил указание от меня, обратился к нижестоящему авторитету,

ну, а тот коснулся этого малозначительного момента в переговорах с главой Горного Пика — а именно так называется группировка, подконтрольная отцу несдержанного недоросля. Надо ли говорить, что когда криминальный авторитет, контролирующий прилежащую к границе северо-востока Империи область, получил необременительную просьбу от своего нового друга и делового партнёра (приятельские отношения отлично сказываются на бизнесе, особенно если сторонам есть, что друг другу предложить), то с готовностью на неё откликнулся, отослав сообщение через оптический телеграф. Таким вот образом распоряжение сверху поступило вниз по ступенькам и дошло до хозяина сего милого места, позиционируемого, как нейтральная территория для отдыха, лечения и переговоров.

Вариант, безусловно, не идеальный... но неплохой. Родичей здесь не обижают: глава курорта, как и его начальник в лице главы городского отделения Горного Пика, отвечал за них головой. А специалисты тут весьма неплохи: и травмы залатают, и красоту наведут (у криминальных авторитетов тоже есть жёны, пассии и дочери, да и женщины-боссы встречаются), и культурные (а также не очень) развлечения обеспечат.

Только плати.

В некоторой степени, особнячок, арендованный в этом идиллическом курортном местечке (с невысокими горами, горячими источниками, живописной природой и прочими неперенными атрибутами), являлся нитью, что связывала родственников, меня и Синдикат. Но я фигура не публичная, на улицах не узнаваемая, а родители и сестрёнка с приёмным имеют хорошую многослойную легенду своего появления здесь. Если кто и начнёт интересоваться, то докопается максимум до информации, известной боссу группировки, подконтрольной Синдикату. Возможно, бандит всё же сболтнул лишнего (что вряд ли, но мало ли) и кто-то из его приближённых услышал о том, что к нему обратились сверху, но... и что?

В теории — сильно в теории, да — гипотетический интересант сможет узнать, что семейство бывших сельчан потребовалось неким союзникам или подчинённым моих мафиози для какой-то интриги. Но вот найти следы вмешательства некой представительницы Отряда Убийц — уже очень вряд ли.

Так-то, образуйся здесь заинтересовавшаяся тайной реинкарнация Шерлока Холмса — и она сможет связать случайные упоминания (если они вообще были) о некоей Куроме и сопоставить с той Куроме, которая сейчас пребывает на Северо-востоке. А затем попробовать связать меня с бандитами Горного Пика и их новыми столичными партнёрами. Или вдруг здесь чудом окажется кто-то, связанный с революционерами и видевший мой портрет. Сомневаюсь, что я смогу пропустить мимо вспышку узнавания, направленную на меня, но допустим. Даже так сие не окажется слишком опасно — так, неприятно, но не более. Всё же разведка вполне себе

работает с криминалом, а я не так давно открыто контактировала с бандой разгромивших моё жильё хулиганов и боссом их босса, который, кстати, платил дань ОПГ, относительно недавно подчинённой Синдикатом.

Связи одной из Отряда Убийц со столичными бандитами вызовут у командования разве что неудовольствие с последующим порицанием, максимум — не слишком серьёзным наказанием, но уж никак не подозрения в каком-нибудь антиправительственном заговоре.

И да, на этот случай мы тоже заготовили немножко дезы. Учитывая то обстоятельство, что доступные разным личностям кусочки легенды противоречили друг другу, — в случае начала активных поисков сеть предателей, скорее всего, сама себя вскроет ещё до того, как интересанты дойдут до середины цепочки в лице босса столичной группировки. Который, в крайнем случае, тоже смертен... причем, хе-хе, внезапно смертен. Но вообще-то кормить выявленных шпионов ложными данными — любимое занятие разведок всех миров и организаций, так что из интереса к моим родичам, буде он проявится, даже можно извлечь пользу.

Одним из немногочисленных слабых мест оставались сами родные, но и они не узнали ничего опасного. Дочь-воительница, которую зовут Куроме? Пф! У нас в стране пусть и называют детей любым пришедшим в голову словом на одном из древних языков, но людей в Империи намного больше, чем слов даже в нескольких языках. А такое имя, как Черноглазка на японский лад — достаточно популярно на востоке, чтобы моих тёзок насчитывалось многие сотни, если не тысяча-другая. Просто по статистике часть их должна иметь высокое положение. В общем, у родителей нет ничего, что можно связать с печально известной в узких кругах некроманси-карателем на службе государства.

Хотя они настойчиво пытались это изменить, да.

— Доченька, почему ты ничего о себе не рассказываешь? Где ты проживаешь, чем занимаешься, как смогла поселить нас в эти господские хоромы? — снова завела старую песню мама.

Вернувшиеся в дом отец и приёмный брат молчали, пока не вмешиваясь в расспросы женщины, но ощутить их внимание и интерес несложно даже без эмпатии. Только маленькая сестрёнка с видом познавшего вселенскую истину человека тянула сок через трубочку. Оно и неудивительно: пусть Рейка обладала почти таким же «монстром в животе», как и мы с Акаме, но возраст тоже имеет значение. Поэтому, похваставшись своими достижениями в учёбе, получив заслуженную похвалу и наевшись вкусненьким, девочка временно снизила свою

активность до уровня «я сытый удав, мне кайфово».

Вздыхаю, делая вид, что меня увлѣк процесс отрезания нового кусочка пирога. Если бы не мой принцип без сильной нужды избегать эмпатического влияния на близких, всё могло стать намного проще. Однако сейчас семья уже плотно идентифицировалась как «свои», а значит, повторения прошлого трюка придётся избегать. Да и не для того я здесь. Хотя толком ответить «для чего именно?» тоже не смогу. Наверное, хочется ощутить семейный уют, любовь родителей и сестрёнки.

Только получается не очень.

— Ты не подумай дурного. Мы не заслужили таких благ и по гроб жизни тебе благодарны... — похорошевшая, но так и не избавившаяся от старых привычек женщина в моём присутствии сутулилась и старалась не поднимать глаз. — Только мы не знаем, на каких тут правах и чего ждать завтра.

— ...На птичьих, — буркнул себе под нос отец, который, несмотря на попытки напустить на себя уверенный вид, тоже выглядел напряжённым.

— Ты неправ, отец. Я ещё поговорю с местным управителем, но поверь: та драка — случайность. Тем более охрана прибыла раньше, чем братец получил что-то страшнее разбитого носа и пары синяков в своей битве за, хах, честь проститутки.

— Валери — массажистка! — вскинулся парень, лицо которого, кстати, уже почти не выдавало следов былой баталии. — И даже если ты права, это ничего не значит: она борется, сражается за лучшую жизнь! Если тебе улыбнулась удача и ты стала богачкой — это не даёт тебе права презирать других!

— Как скажешь, — усмехаюсь не став комментировать этот выпад, — улыбнулась удача, надо же! — Но на самом деле большинство людей этим и занимается: аристократ свысока смотрит на простонародье, лавочник презирает деревенщину, коренной житель Столицы кривит губы на понаехавших провинциалов. Люди любят ощущать собственное величие, даже если оно заключается только в том, что одному повезло родиться в правильном месте, а другому — нет.

— Дворяне и их прихлебатели, они... вы! Специально сеете рознь между людей, чтоб народ не смог создать справедливое общество! — запальчиво выдал мой оппонент.

«Ну и ну, прям-таки мужская версия Акаме! Только один ещё не видел изнанки мира, а вторая не хочет её видеть, старательно закрывая глаза на деяния отважных воинов «змеи», борющихся с прогнившим режимом «жабы».

Нет, всё же надо потом сводить Джина в тюрьму. Для расширения кругозора, ага».

— Аристократия и её, как ты выразился, прихлебатели, — заметила я, — продукт людского общества. Возможно, нынешняя элита отжила своё. Но кто тебе сказал, что новые силы, если у них получится подвинуть старых владык, поведут себя лучше? Я видела и общалась с представителями тех и других — и поверь мне, идеалистов среди приближённых к верхушке нет ни у первых, ни у вторых.

— А чего ж тогда появляются движения за права народа? А? Чего даже дворяне встают на сторону Освободительного Движения? А?! — распалялся парень, не обращая внимания на попытки родителей, напуганных крамольными словами, одёрнуть не в меру политизированного приёмыша.

— Злые и корыстолюбивые дяденьки и тётеньки наверху — используют доверчивых идеалистов снизу. Как там? — хмурю брови и разгоняю разум, дабы вспомнить слова, когда-то отложившиеся в памяти меня-Виктора. После, относительно благозвучно переложив строки на имперский, аккомпанируя себе ударами пальцев по столу, начинаю декламировать недлинный марш:

— Шагают бараны в ряд,

Бьют барабаны, —

Кожу для них дают

Сами бараны.

Мясник зовет. За ним бараны сдуру

Топочут слепо, за звеном звено,

И те, с кого давно на бойне сняли шкуру,

Идут в строю с живыми заодно.

Они поднимают вверх

Ладони к свету,

Хоть руки уже в крови, —

Добычи нету.

Мясник зовет. За ним бараны сдуру

Топочут слепо, за звеном звено,

И те, с кого давно на бойне сняли шкуру,

Идут в строю с живыми заодно.

Знамена горят вокруг,

Крестища повсюду,

На каждом — здоровый крюк

Рабочему люду.

Мясник зовет. За ним бараны сдуру

Топочут слепо, за звоном звено,

И те, с кого давно на бойне сняли шкуру,

Идут в строю с живыми заодно.*

/*Бертольд Брехт, «Бараний марш». 1943 г. /

— Мы не бараны! — сверкнул глазами юный собеседник.

— Да? — с нарочитым удивлением вскидываю бровь. — «Не бараны» думают головой, они верят делам, а не красивым лозунгам. А ты и твой кружок... Что? Скажешь, не побежали бы вы за первым попавшимся «истинным борцом за что-то там»? Или, быть может, у — кого ты там поддерживаешь? — есть хотя бы примерная программа, где расписано, как и какими средствами построить справедливое государство? Не свергнуть «проклятых аристократических кровососов из Дворца» и волшебным образом дать народу вдоволь еды и денег, а нормальный, разветвлённый и поэтапный план решения проблем? А у Империи настоящих проблем множество, перечислять устанешь, и про них я тоже осведомлена получше многих — своими глазами видела.

— Там бы разобрались, — буркнул парень. — У богатеев бы деньги забрали...

— Конечно. Но учтёт ли власть новых «мясников» интересы «баранов» в переделе богатств старых элит? Вот ты бы отдал каким-то непонятым незнакомцам мешок с деньгами, который уже у тебя в руках? По глазам вижу: хочешь ответить, что отдал бы. Но разве тебе так наплевать на отца, который принял тебя в семью, на мать, которая тебя любит как родного, на милую младшую сестрёнку? М-м? — вскинув бровь и чуть наклонив голову к плечу, с любопытством смотрю на приёмышу.

Ответа я не дождалась. Ну, хоть задумался. Пусть шевелит мозгами, да и родители тоже поразмыслят.

— А ведь до победы будет война, — продолжаю тише, тоном помрачнее, — богатеи на то и

богатеи, что не станут добровольно отдавать несправедно нажитое. А война требует чего? Денег. А деньги берутся откуда? Из налогов. Как вам нынешние поборы? Нравятся? — Молчаливо слушающий отец сморщился, как от боли, а мама как-то виновато потупилась. — Желаете удвоить?

Снова нет ответа. Да и что бы мне ответили на это? Эх...

— «Армии освобождения», даже если каким-то чудом она образуется из высокоморальных идеалистов, тоже требуются еда, амуниция, оружие и так далее, — злая усмешка. — Где это взять? Опять у «освобождаемого» народа. С обещанием всё вернуть, конечно. Когда-нибудь потом. А дальше начинается самое весёлое: с обеих сторон льются реки крови, всем нужно восстанавливать численность личного состава, нужны ещё деньги, провизия и прочее. Опять трусим крестьян! ...у которых уже ничего нет. Начинается голод и связанные с ним эпидемии. Те, кто побойчее, сбиваются в банды, грабят караваны и деревни менее удачливых коллег, женщины и девочки идут в бордели или ещё куда-нибудь, где хотя бы кормят. Вновь просыпается старая-недобрая традиция каннибализма. А война продолжается. Плодородные земли пустуют, и в следующем году кровь начнёт литься уже не за власть или светлое будущее, а за горсть риса или корочку хлеба. А тут и дорогие соседи по континенту вспомнят старые долги. Война, мор, голод и смерть. Лишь монстры останутся процветать на гниющем трупе когда-то больной, но живой страны, — живописую я прелести гражданской войны.

Конечно, в известном мне-Виктору варианте будущего, в конце, после казни Онеста и несовершеннолетнего Императора, все плясали и танцевали под цветные огни расцветающих в небе салютов. Да и после страну вроде как миновали масштабные потрясения — даже в варианте манги, где Эсдес выморозила большую часть будущего урожая, угу — но ведь это сказка о победе добра над злом. Кому нужна история, где хотели как лучше, а получилось как всегда?

Впрочем, я допускаю исход с относительно мягкой победой нового режима и даже не отвергаю варианта, где новый правитель сможет быстро и бескровно нейтрализовать прочих претендентов на тёплое местечко. Но тут ключевое слово — быстро. Стоит промедлить, и...

...и тогда, в точности исходя из имеющейся информации, много более вероятным станет именно описанный выше сценарий страшного конца. Или скорее даже «ужаса без конца», если окончательно уходящая на дно, разваливающаяся на провинции и анклавы Империя станет катализатором большой войны всех со всеми в границах континента, а то и за ними.

Эсдес, если выживет, будет счастлива.

Краем глаза вижу, как хмурый отец играет желваками, его побелевшие от напряжения кулаки сжались так, что серебряная вилка в правой руке заметно согнулась. Поймав мой взгляд, он отпустил вилку и потянулся к графину с вином. Глаза матери увлажнились: она тоже очень хорошо представляла, как сказанное будет выглядеть в реальности. Всё же они оба прошли и через голод, и через эпидемию, и через бесстыдно потребительское отношение со стороны власть имущих.

Похоже, кое-кто несколько переборщил с живописанием возможного тёмного будущего. Хорошо хоть притихшая сестрёнка по малолетству не очень понимает, о чём я говорила.

— Нет! Не будет такого! Революционная Армия никогда не допустит этого ужаса! — вскочил Джин.

— Сядь, — капелька духовной силы, вплетённая в голос, заставила братца плюхнуться на место. Пожалуй, всё же стоит использовать немного своих способностей в разговоре... для большей доходчивости. — В некоторых «освобождённых» провинциях Юга такое уже есть. И да, я видела это своими глазами, говорю не с чужих слов. Но справедливости ради стоит признать, что так не везде. Хотя и в благополучных городах новая администрация не спешит вводить райские законы, заботясь в первую очередь об утверждении своей власти и собственном благополучии.

Парень скорчил пренебрежительную мину, но эмпатия говорила, что внутри он не так скептичен, как показывает. Хотя, конечно, к идее приёмной сестры-путешественницы относится с сомнением.

— Что? Скажешь, на их месте не взял бы из средств, отобранных у богатых и не очень имперцев, немного для помощи пострадавшим от войны родным?

— Я бы взял сколько нужно и отдал остальное.

— А сколько это — «нужно»? — иронично улыбаюсь. — Отцу нужна была операция, им с матерью обоим требуется восстановить здоровье, тебе и Рейке необходимо учиться, хорошо одеваться, чтобы не выглядеть отщепенцами на фоне остальных. Тратить на общение с девушками, на жильё — не жить же в сарае? — на учебники, на еду, на транспорт. Тратить, тратить, тратить, ведь с ростом возможностей вырастут и потребности. Согласись: уже сейчас тебе стало бы сложно вновь привыкнуть к быту крестьянина, выкинув из головы знание и память о том, что можно жить совсем иначе, — говорю я, читая эмоции парня и ориентируясь на его реакцию. — Но взяв из «народных» средств один раз, снова залезть в общую казну уже легче, а дальше недалеко до привычки. Предки нынешних жирующих богачей начинали точно так же! И заметь: это я сейчас говорю об изначально честных людях, которые рвались наверх, дабы изменить мир к лучшему и таки прорвались, не убитые врагами и более меркантильными союзниками. Мало кто может удержаться от излишеств, если не испытывает страха наказания. Основной же массе революционных вождей не нужно поддаваться соблазну, они изначально гнилые.

— Не все вожди такие! И не все в мире такие, как ты, — мрачный парень запнулся, подбирая слова, — злые, ни во что не верящие и видящие в людях только плохое!

— Это называется не злостью, а цинизмом, — подсказываю верное слово. — И да, на фоне многих, имеющих силу и власть, я ещё добрая. По крайней мере, мне понятна твоя позиция — и я готова её аргументированно обсудить. А ещё мне тоже хочется верить, что мир всё-таки способен измениться к лучшему. Просто в силу хорошей осведомлённости мне и подводные камни на пути к лучшему видятся яснее. Так что если появится желание по diskutieren на тему очередной гениальной идеи подарить счастье всем, сразу и даром — подходи, обсудим. Но на людях старайся держать свои мысли при себе. Доносчиком или провокатором способен оказаться каждый, особенно из якобы сочувствующих, а меня может и не случиться рядом в нужный момент. И ещё: не трепи языком рядом с такими, как твоя Валери.

— Она не такая! — придавленный моими речами (и самую чуточку — деэмпатией и духовным давлением, что позволили чуть лучше осознать смысл моих слов), Джин всё же нашёл в себе моральные силы защитить хотя бы подружку, но я его перебила:

— Такая, такая. Да, я недолюбливаю проститутток, какие бы слои общества они ни обслуживали. Именно недолюбливаю, а не презираю: каждый выживает, как может. И приятные личности встречаются тоже везде. Просто некоторые профессии оставляют свой след, и девушки, подобные твоей, хм, массажистке — зачастую не видят ничего предосудительного в том, чтобы прямо или косвенно обворовать воздыхателя, — делаю глоток из чашки, дабы промочить горло, — или, скажем, слить подслушанную информацию заинтересованным лицам. Это нормально и это нужно учитывать. Крестьяне — домовиты и бережливы, полицейские привыкают всюду видеть преступников, дельцы отовсюду пытаются извлечь прибыль, даже если денег хватит на сто жизней вперёд, а политики видят в людях

ресурс и не имеют постоянных друзей, лишь неизменные интересы. Я не люблю много болтать, и говорю сейчас не с целью навязать своё мнение или раздуть свою значимость. Мне это не нужно. Просто ты — часть семьи. И можешь по незнанию поставить под угрозу остальных. Поэтому хорошо подумай над моими словами. Я взяла их не из головы, а из личного опыта и общения с умными людьми.

Вздыхаю, уже и сама утомлённая своей речью. Заканчиваю:

— Если желаешь лучше разобраться во всём этом, то после того, как покончишь со средним образованием, я оплачу тебе соответствующий университетский курс. Как и любой другой, для любого из вас.

Перевожу взгляд на отца и маму, испытывающих явное неудобство от затронутой темы.

— Сопляк любит дерзить, но он знает, пред кем надобно засунуть язык в жопу и низко кланяться, — заступился за приёмного сына Сон, ополовинивший графин с вином. Потом, почесав покрасневший нос, поправился, — Обычно. Но он исправится. Верно ли я реку? — грозный взгляд на Джина, который всё-таки сумел вывести из себя мужчину, относящегося к нему с явной симпатией.

Ну, и я со своими сказками из (не)прекрасного далёко поспособствовала.

Сону явно не нравились затронутые мной и парнем темы, обсуждая которые, приёмыш зашёл намного дальше, чем тогда в деревне. Как в тот раз его не заткнули из-за того, что не видели во мне по-настоящему серьёзную угрозу (раз без выезда — значит, не такая уж важная, да и дочка же!), так и сейчас нас не стали перебивать из-за пересмотра отношения к моей персоне: неуместно крестьянам перебивать старших по положению. Чревато сие.

Понятно, что я — не те дворяне, которые руками своих слуг вколачивали покорность в родичей и их односельчан; к тому же семья так и не определилась, к какой из известных категорий приписать внезапно образовавшуюся дочь, оттого уважительность и опаска частенько чередовалась с достаточно простым, даже грубоватым отношением. Нам ещё предстояло прийти к золотой середине.

— Верно, отец, — склонил голову парень.

— Что ж, я рада, что мы пришли к консенсусу, — произношу, прожевав очередную сладость и запив её чаем. — Касательно вашего положения, то оно привилегированное...

— Чего? — не понял поддатый отец.

— Вы уважаемые гости, которых обижать — себе дороже. Так понятно?

— Понятно. Ты эт, сложно баять не норови, не в господских дворцах, чай, — нарочно простецки проговорил мужчина, который, как я могла видеть ранее, уже неплохо научился изъясняться на городской манер.

«Это что, раз получилось переспорить йуного революционера, то теперь придётся проходить новый уровень и пререкаться с пьяненьким отцом?» — подумалось с явственным оттенком недовольства.

— Нет. Это всем вам предстоит привыкнуть к стилю общения состоятельных горожан и дворянства. Вы больше не крестьяне. Или вам так хочется вернуться к старому укладу, а я зря нанимала учителей?

Тяжёлый взгляд заставил мужчину замолчать и выдавить из себя:

— Мы поняли.

«Такое ощущение, что он не мой родитель, а папаня нашего спорщика-Тео. А Джин его брат, ага. Парочка упрямых ослов!» — проворчал внутренний голос.

Под недовольным взглядом Сона приподнимаюсь и забираю графин с алкоголем себе.

— Доченька, ты не сказала — кто тебе тутешние начальники и чем ты занимаешься? — неловко вмешалась в разговор мама, желая сменить канву неудобной беседы.

Мысленный вздох.

Вот ведь любопытная! Неужели ей больше нечего обсудить? Они что — сговорились выбирать самые сомнительные темы? Хорошо хоть расспросами про Акаме не надоедают, удовлетворившись знанием, что сестра жива, здорова и имела со мной конфликт на почве некоторых разногласий. Судя по подсказкам эмпатии, вынужденно проданные когда-то дочери, что для отца, что для матери — являлись достаточно неприятной темой, которую они не хотели цеплять даже краем. И потому старались не вспоминать, как человек старается не беречь подживающую рану.

— Хозяева и персонал данного места мне никто. Я просто подняла кое-какие связи, и вас здесь приняли, но друзей ни у меня, ни у вас тут быть не может. Потому и болтать обо мне не советую: это может плохо кончиться.

— Было б чего болтать, — буркнул Джин. — Молчишь, как народоволец на допросе.

— И хорошо, что нечего. Деньги и власть не только дают возможность вкусно есть и сладко спать в чистой постели, но и обрекают своих хозяев на вражду с иными силами. Ударить по мне напрямую достаточно сложно, в отличие от попытки надавить через вас. И к твоему сведению, большинство мятежников на допросах отнюдь не молчат. Дерзкие и смелые они только на свободе, в окружении сообщников и внимающих им наивных простаков.

— Тебе-то откуда знать? — отвернувшись, проворчал парень, в расчёте, что я не услышу.

Похоже, его задевало моё неприязненное отношение к мятежникам. Даже несмотря на объяснения причин одного. Видимо, парень хоть и понял, что не всё в мире так просто, но не успел это принять, да и на слово мне не очень-то верит.

Ну, хотя бы не отрицает с порога «наглый поклёп от продажной прислужницы прогнившей Империи». Уже прогресс. Стоит потом, после экскурсии в тюрьму, подкинуть приёвному братцу немного материалов с документальным описанием истинного положения дел в нашей «славной войне злых с плохими», дабы подкрепить утверждения фактами. Пусть знает, что для рядового гражданина там нет хороших сторон, и лучше держаться от всего этого подальше.

— Чего тогда у себя не укроешь, раз беспокоишься? — спросил отец после минуты молчаливого хмурения бровей.

— Я редко бываю у себя, — отвечаю со вздохом. — А для вас, в силу некоторых обстоятельств, лучшей защитой будет именно скрытность. Вам нужно научиться говорить и вести себя так, чтобы походить на провинциальных дворян. Скоро я сделаю вам новые документы, куплю поместье где-нибудь в тихом местечке с приятным климатом, там вы сможете потихоньку привыкнуть к новой жизни. Поэтому старайтесь лучше.

— Ты что! — встrepенулась Кая. — Это ж тяжкое преступление! Нас всех казнят! Даже Рейку!!!

— Пфе! В нашей благословенной стране казнят только тех, у кого нет денег и связей, чтобы откупиться. Имея определённые знакомства, можно вообще плевать на законы. Слава коррупции, хех, — издаю невесёлый смешок.

— Что ты такое говоришь?! — мои собеседники опасливо заозирались.

Поздно. Если бы их слушал некий недоброжелатель, то для появления проблем хватило бы вольного обсуждения темы революции и прогнившей верхушки.

— Правду. И можете не бояться лишних ушей — все слуги ушли. Здесь они не приучены слушать чужие разговоры. Хотя болтать о себе с посторонними всё равно не советую.

— Дочь, скажи, ты преступница?

Блин! Вот какими путями ходят мысли у них в головах?! То приёмный братец нас с марионеткой татями обозвал, то родная мать подозревает не пойми в чём! Даже обидно.

Хотя, конечно, если вспомнить о Синдикате... Но всё равно!

— Нет. Говорю же, я скорее представляю тех, кто для обывателя является государством.

— Прекращай эти ваши бабские виляния! — повысил голос отец, «грозно» ударив ладонью по столу, впрочем, тут же исправился под моим насмешливым взглядом. — Человечьим языком скажи, наконец — кто ты? — уже тише произнёс мужчина. — Мы ж даже не ведаем, чего беречься и как к тебе относиться.

— Как сказал бы один мой товарищ: любить и восхищаться, — с усмешкой отвечаю ему.

Да, даже избавившись от плохо сказывающейся на его характере боли в ноге, отец отнюдь не полностью растерял свой скверный нрав, который не замедлил показаться после того, как выпитый алкоголь ослабил тормоза. И Джин ему подстать — два сапога пара! Хотя не мне говорить о паршивом характере. Да и об алкоголе, если на то пошло; ещё недавно весь Отряд дружно сидел на таких веществах, в сравнении с которыми напитки на спирту, даже высокоградусные — просто целебные компотики.

— И ещё раз повторю, для особо понятливых: если не будете трепать языками и продолжите делать, что вам говорят, то и бояться вам нечего. Тем более что дворянство можно купить и вполне официально, при желании даже задним числом, «обнаружив» родство с прервавшейся фамилией. Или можно найти благородного, но бедного «родственника», который признает потерянного в детстве брата или сестру. И за это никто не накажет — всё легально. Были бы деньги и желание — варианты всегда найдутся.

— А...

— Не перебивай, — жёстко обрываю попытавшегося вставить очередную ремарку родителя.

Мягкие объяснения неплохо работали с матерью и сестрёнкой, а вот с мужской частью семьи лучше быть жёстче, иначе привыкшие к патриархальному укладу отец и приёмный брат начинают наглеть, забывая, кто есть кто. Впрочем, они всё равно не осознавали, с кем имеют дело. Это с одной стороны хорошо — иначе опаска могла перерасти в настоящий ужас, а с другой — не очень: я хоть и несоизмеримо богаче, сильнее и выше по статусу, но в то же время являюсь ребёнком Сона и Каи, да ещё и девочка, которая (в их понимании) должна быть тихой и послушной.

Вот и корёжит мужчин от лобового столкновения двух несовместимых шаблонов.

— О себе могу сказать, что я, хм, человек, который выполняет важные поручения одной влиятельной особы и решает различные проблемы. Несмотря на возраст, мне хватает силы и мозгов для того, чтобы мне доверяли.

— Это как приказчик у купцов? — хмыкнул Джин. — На побегушках у благородных?

— Не совсем, — сравнение скорее повеселило, чем покорило, тем более что подобная ошибка в восприятии моего рода занятий мне на руку. — Но местами похоже. А для вас хватит и того, что я обладаю некоторым влиянием и деньгами. В вашем понимании — большими деньгами. Подробности вам не нужны и только введут в замешательство.

— Не думал, не гадал, что меня собственная дочка затыкать будет.

— Я тоже представляла наше воссоединение... иначе. И прибыв сюда, рассчитывала на нечто более приятное, чем брюзжание, революционные лозунги и глупые претензии, — пускаю ответную шпильку.

— Сон, Куроме, Джин! Пожалуйста, ради всех богов... — вмешалась мама, успокаивающе положив руку на плечо мужа и просяще воззрившись на меня.

— Прости, дочка, — выдавил из себя мужчина. — Не привык я к тебе и к такому, — не найдя слов, он мотнул головой, будто предлагая мне самостоятельно найти нужные эпитеты для

произошедших с семьёй перемен. — И нога проклятушая эта... не болит, даже не хромаю почти, а нрав дурной остался. Старого пса тяжело учить свежим трюкам, — невесело усмехнулся он. — А Джин на меня глядит да повторяет.

— Да, у меня тоже не самый приятный характер, здесь мы похожи, — изгибаю уголок рта в кривоватой усмешке. — Семейное сходство из крови не вытравить. Давайте просто забудем этот момент.

Согласное молчание, кивки.

— ...Я, кстати, хотела пригласить вас куда-нибудь сходить всем вместе: на музыкальный концерт или на театральное представление, — своей репликой нарушаю тишину, воцарившуюся после взаимных уступок.

Рейка, которая и так пребывала в сонно-расслабленном состоянии, переваривая съеденные вкусности, а стоило возникнуть напряжению между старшими родичами — вовсе притихла, словно мышка, — услышав о развлекательной программе, резко активизировалась. По всей видимости, её «монстр в животе» уже уничтожил добычу и девочка вновь обрела привычную энергичность.

— Старшая сестра, мы идём смотреть клоунов?! — блестя глазами, мелочь заёрзала на своём месте.

Мысленно морщусь, старательно держа лицо.

«Ненавижу клоунов!»

— Не совсем. Я собиралась пригласить вас на нечто, м-м, не столь крикливо-яркое.

— А можно клоунов?! Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

— Цыц, негодница, — зыркнул на неё Сон. — Куда скажут, туда и пойдёшь. Ишь! Сказали театра — значит театра.

Девочка немного скуksилась, но признаков особого расстройства не проявила.

М-да... пожалуй, тащить мелкую на скучный для неё концерт станет перебором. Театр и я не особо люблю, но цирк и клоунов не люблю больше. Пожалуй, стоит найти компромисс и сходить на какое-нибудь яркое и не напрягающее представление. В самый раз для знакомства деревенских жителей с культурной жизнью города. В Империи вроде бы что-то подобное есть: с песнями, танцами, музыкой и постановочными боями на мечях — и даже пользуется популярностью у публики.

Память земной жизни подкидывала смутные воспоминания о китайском оперном театре, где происходило нечто похожее. Хотя за точность воспоминаний ручаться не стану: я-Виктор театры особо не посещал, темой не интересовался и знания в данной области имел соответствующие. То есть почти никакие. А вот в этой жизни можно и просветиться... вместе с родственниками, да. Интернета и кино в этом мире ещё (или, возможно, уже) нет, методов борьбы с благородной скукой не так чтобы много. Думаю, на безрыбье местные обязаны создать нечто интересное в плане развлечений. Запрос-то на развлечения есть, причём на всех этажах общества. Мне мимолётно вспомнился тот забавный парнишка, претендующий стать "самолучшим плясуном Столицы".

Даже я сама, одолеваемая делами, нахожу способы развеяться. Правда, обычно ограничиваюсь, помимо неплохой музыки, на которую меня подсадила Эрис, разнообразной литературой в виде различных трактатов. А также полу- и полностью хентайных книг и манги, что радостно подсовывал мне Кей.

— Не люблю клоунов, но в принципе готова потерпеть, — произношу, подмигнув сестрёнке, которая успела перебраться на колени матери. — Всё же я здесь для того, чтобы мы привыкли друг к другу, а также все вместе приятно провели время. Развлечение себе по вкусу я могу подобрать и после, в одиночестве. Но если нужны не именно клоуны, а что-то весёлое и энергичное, то у меня есть иные варианты. Я специально изучила программу всех более-менее приличных городских площадок.

— Балуеть ты её, — неодобрительно покачал головой отец.

— Не слишком, — едва заметно дёргаю плечом в ответ. — Рейка у нас молодец: усердно учится и хорошо себя ведёт, с другими отдыхающими не дерётся, — насмешливый взгляд в сторону защитника чести революционеров и проституток, то есть, конечно, массажисток. — Почему не пойти ей навстречу?

Приёмный братец «свиреп» на меня зыркнул, сжал челюсть, забавно покраснел, но говорить ничего не стал.

— Сестрёнка Куроме — самая лучшая! — мелкая, соскочив с коленей матери, перебежала ко мне обниматься.

«Перебежчица, хех».

— А ты покажешь волшебство? — спросила девочка, заглядывая мне в глаза.

— Волшебство? — задумчиво переспрашиваю, продолжая тискать и гладить по голове эту маленькую и шептуную копию Акаме.

Мне даже пришлось немного ускорить течение мыслей, дабы сообразить, что можно показать девочке и другим родичам в качестве примера «волшебства». Так-то в запасах имелось много всякого-разного, способного впечатлить даже достаточно искушённого зрителя... до мокрых штанов. Но чтобы зрелищно и не слишком пугающе... Даже метаморфизм, где удалось неслабо продвинуться в скорости изменений — от десятков минут к минутам — со стороны выглядел скорее пугающе, чем волшебно. Растущие из пальцев когти мало кого способны привести в восторг.

Можно попробовать показать огонёк негативной энергии, который в разрежённом виде выглядит скорее розовым и весёленьким, чем угрожающим чёрно-фиолетовым. Только вот негативная энергия на то и негативная, что даже в виде «милого розового огонька» будит в сердцах зрителей подспудный, инстинктивный страх.

Впрочем, зачем сосредотачиваться на силах Яцу, если можно показать фокус, доступный и

обычным одарённым? Ну... Воинам, наверное — тем, у кого хватит умения и контроля.

— Смотри, — достаю из кармана бумажку с расписанием концертов и представлений на эту неделю.

Устроившаяся на моих коленках девочка покрутила в руках скучный листик без картинок и вернула его обратно. Так-с, а теперь аккуратно напитываем бумагу духовной энергией, пуская большую часть потока не через слабо подходящую для такого материю, а как бы поверх неё. Пододвигаю пустую чашку так, чтобы белый фарфор с узором сидящих на ветке птиц располагался ровно перед лицом моей главной зрительницы. Зажатый меж пальцев листок, превратившийся в практически идеальную плоскость, удивительным образом переставшую гнуться — застыл параллельно столу, чуть ниже края чашки.

— А теперь фокус: — и раз, — рука с бумажкой незаметно глазу зрителей оказывается слева от чашки. — И два, — теперь снова справа. — И три! Держи, — передаю листик Рейке.

— Бумажка проходит сквозь кружку? — немного разочарованно произнесла девочка, помяв листок. — Нам такое уже показывали бродячие циркачи. Я чаяла, ты настоящее волшебство покажешь.

— А ты на чашку посмотри.

— А чего с ней? — Рейка перевела взгляд на посуду, которая продолжала стоять, как ни в чём ни бывало, и даже потыкала её пальчиком.

Чашка в ответ распалась на три ровненьких колечка и донце.

— Ой! Это не я! Она сама сломалась!

Улыбаюсь.

— Конечно, не ты. Ведь это я показывала волшебство.

— Ух ты! — вот теперь в голосе сестрёнки зазвенел восторг.

— То-то же, — мимоходом нажимаю ей на нос, как на кнопку. — Я тебе не какая-то там бродячая циркачка! Мой фокус выглядит просто, но повторить его сможет не каждый. Кстати, определяйся уже, куда пойдём. Расписание у тебя в руках, читай и выбирай. Нас никто ждать не станет, а мне завтра уезжать.

* * *

Дальнейшее семейное времяпровождение оказалось на удивление безоблачным. Отец, окончательно протрезвев, притерпевшись к существованию сильной, богатой и независимой дочери, кое-как смирился с утекшим из его рук главенством в роду и перестал изображать из себя старого ворчливого деда. Приёмный братец тоже прекратил — ну, почти — коситься на меня с подозрением и даже начал нормально реагировать на мои подколки, неуклюже пытаясь подшутить в ответ. Мама мне и так симпатизировала, хотя эти её «тайно» бросаемые на мою персону виноватые и тревожные взгляды немного раздражали.

Младшая сестрёнка же вполне успешно играла роль самого счастливого ребёнка на свете. Было достаточно забавно с ней общаться, вспоминать себя в этом возрасте и сравнивать этот образ с младшей и старшей сёстрами. Мелкая, несмотря на свою непоседливость, умела становиться серьёзной — как для ребёнка, конечно — неплохо соображала и представляла последствия своих действий, а также не понаслышке знала о таких понятиях, как голод, смерть и убийство. Да и крови она не боялась совершенно: деревенская же, сама рубила курам головы и помогала матери обдирать и потрошить будущие источники мяса для стола.

В общем, сестрёнка являлась вполне достойным материалом для становления алхимиком, воительницей или убийцей. От вида цветных картин в анатомическом атласе в обморок не упадёт, да и на практическом занятии в морге — тоже очень вряд ли.

...как и большая часть детей низких сословий. Что поделать? Условия существования в деревнях и бедных кварталах уже с малых лет знакомят с различными... тёмными аспектами жизни. Да.

Помимо прочего, ощутив ностальгию по весёлым денькам юных убийц, я купила и подарила сестре набор метательных ножей вместе с мишенью для них, показав, как и куда нужно бить и метать. Джин тоже заинтересовался. Вот и хорошо. Так-то это всё, конечно, баловство и в случае чего потом придётся переучиваться. Но лучше пусть листают анатомический атлас и мечут ножи в ростовую мишень, представляя, что целятся в различные уязвимые точки, чем дерутся с бандитами и носятся по комнатам и коридорам санатория.

И так как человек я не слишком открытый и компанейский, подобный формат общения к концу дня неизбежно начал утомлять. Тем более приходилось постоянно фильтровать выдаваемую информацию и следить за тем, что и как я говорю родичам... или посторонним у них на глазах.

Но, несмотря на все затруднения и некоторые трения с мужской частью рода, «день семьи» мне понравился. Он стал своеобразным напоминанием, что есть вообще-то нормальная жизнь. В которой отсутствуют монстры (как обычные, так и маскирующиеся под людей), не отнимает силы постоянная борьба за выживание, а также не надо ждать подвоха от врагов и союзников — или неприятных «сюрпризов» от окружающего мира.

Я и сама вполне заслуживаю звания монстра — что по поступкам, что по масштабам; чего стоила хотя бы одна только минувшая «большая охота», на которой мы с Генсэем-Юрээм осознанно слили часть вредных союзников, а вместе с ними и наиболее невезучих из полезных или нейтральных? А ради чего? Чтобы сплотить всех общей победой и избавиться от возможных проблем. Хотя, поставь я целью именно уничтожение Бедствия, — и мы с парочкой элитных групп воителей и убийц монстров вполне могли прилететь к многоножке и завалить её с гораздо меньшими потерями. Раньше, чем эта агрессивная громадина сровняет с землёй ещё один небольшой город и неизвестное число попавшихся по дороге селений.

Платить кровью одних, дабы сберечь жизни других, надеясь, что последних окажется больше и размен себя оправдывает — вот что значит быть лидером. А ведь в будущем может оказаться так, что на месте жертв и сберегаемых окажутся не шапочные знакомые и безымянная массовка, а достаточно близкие люди.

И Джин стремится встать в ряды борцов за общее благо или даже что-то там возглавить. Думает, что такая борьба чиста и возвышенна. Наивный! Даже я, сражаясь, по сути, за себя и своё видение будущего страны, и то временами чувствую себя... не очень хорошо. Я! Имперская убийца, воспитанная таковой с детства, рубившая головы не курей, а людей. Палач невинных, женщин, ребятни...

Война — кровь и грязь, политика — грязь и ядовитая подлость, а если они идут рука об руку, то получается и вовсе отвратная до тошноты смесь.

А этот о праведной борьбе лепечет, сопляк лопухий.

Да-а... мне даже немного дико понимать, каким разным может являться мир в глазах непохожих друг на друга людей из разных социальных групп. Словно у нас не одна на всех общая планета, а много-много накладывающихся реальностей — иногда приятных, а порой (увы, куда чаще) похожих на ад. Не скажу, что этот ад не по душе моей тёмной половине, но как-то не хочется в один прекрасный момент взглянуть в зеркало и увидеть там тварь вроде Онеста или вовсе — тьфу-тьфу! — заключённого в Яцу демона.

Впрочем, в окружении родных я старалась не слишком задумываться над такими темами: не ко времени это. Некстати.

После расставания с роднёй и вручения прощальных подарков (собственноручно связанные шарфики для всей семьи, плюс различная мелочёвка вроде анатомического атласа, ножей и прочего), не забыла я навестить и местных начальничков. Джин, как удалось понять, сам виноват в конфликте. «Отбивать» проститутку у клиентов, которые пусть и грубовато, но предложили девушке работу — это, наверно, было феерично. Думаю, братец скоро станет (если уже не стал) героем многочисленных баек и анекдотов.

Однако, несмотря на юмор ситуации, мне сильно не понравилось бездействие охраны, которая вместо выполнения своих обязанностей самозабвенно предавалась безделью, даже отсутствуя в помещении! Да, они прибежали на шум и разняли драку. Сподобились, даже не сильно опоздав. Но что, если бы оскорблённые клиенты «любви» Джина оказались отморозками, которые вместо того, чтобы познакомить агрессивного подростка со своими кулаками, решили того прирезать или пристрелить?

Разбирательство с горе-охраной устраивать глупо, ибо по большей части всегда виноваты не идиоты-исполнители, а их начальство, которое этих деятелей поставило на рабочие места, а также предоставило им возможность для проявления собственных «талантов».

Да-да, именно поэтому я до сих пор считаю, что побоище в Столице, устроенное Прапором —

это именно мой провал, пусть и обошедшийся нам со Счетоводом на удивление дешево.

Так или иначе, мне и марионетке удалось донести до собеседников свою точку зрения. Даже получилось обойтись без убийств и почти без насилия. Так... Горо переломал несколько костей самым ретивым охранничкам да оставил напоминание их боссу. Не на всю жизнь — сломанная нога заживёт, тем более с помощью местных специалистов — но этого хватит, чтобы сей типус помнил о своих обязанностях по контролю за подчинёнными и не забывал о том, чем чреваты их ошибки лично для него.

С массажисткой я тоже поговорила. Оказалась на удивление понятливая и приятная в общении — если отбросить моё предвзятое отношение к её профессии — особа. Да и внешность тоже ничего, хотя тут первую скрипку играли, скорее, не природные данные, а правильно подобранная одежда, косметика и умение себя подать. Понятно, с чего терзаемый гормонами подросток на неё запал. Для разнообразия мне даже не пришлось угрожать: Валери — а именно так звали «любовь» братца — и без того всё прекрасно поняла. Так что после милой беседы за чашечкой чая с конфетами (они у гостеприимной хозяйки тоже оказались ничего) удалось увериться, что эта умелица массажных и не только услуг не станет распускать свой язычок...

До тех пор, пока её не начнут пытаться. Но там уж я претензии предъявлять не стану.

Не то чтобы конкретная представительница древнейшей профессии оказалась человеком твёрдых моральных убеждений. Просто она очень хорошо понимала, где и с кем работает — и потому, придерживаясь нехитрого свода правил, трудилась здесь уже пять лет подряд. А вот не такие понятливые девушки частенько исчезали, иногда позже обнаруживаясь в оврагах или иных местах, где тела с отрезанными пальцами или со вскрытым горлом и просунутым в разрез языком (в итоге получалось нечто, отдалённо напоминающее галстук) намеренно оставляли, дабы их позже смогли обнаружить. Знакомые ухватки, мои — вернее, Счетовода, что отвечает за это направление — раздолбаи тоже казнят своих отступников похожим образом, карая за воровство у своих и лишнюю болтливость.

Хотя подобные меры по отношению к жрицам продажной любви — вроде бы ноу-хау местных бандюков.

Несмотря на табу на распространение информации о клиентах, моя собеседница оказалась не прочь поболтать о коллегах, перемыть косточки начальству и пожаловаться на превратности профессии. Слушать о жизни ранее не охваченного моим вниманием социального слоя

оказалось достаточно занимательно, удалось почерпнуть для себя несколько интересных и, возможно, полезных фактов. Расстались мы вполне довольные друг другом. Мне достались искренние заверения в сохранении любых тайн и отсутствии желания пудрить братцу мозги — девушка даже обещала его подучить, как нужно обращаться с женщинами, и в постели, и вообще, дабы не попасть впросак и избежать типичных манипуляций. Ну а Валери с моей подачи пополнила свои финансовые запасы, кои после выхода на «пенсию» планировала вложить в покупку своего заведения.

Хороший всё-таки денёк.

* * *

На следующее утро Рейка с мамой вышли на прогулку. К удивлению женщины и девочки, на некотором отдалении за ними пристроилась пара охранников. На вопрос обеспокоенной Каи, в честь чего такой эскорт — мужчины с вежливым поклоном ответили, что сопровождают их по приказу сверху, дабы оградить госпожу и её дочь от любых возможных неприятностей. Также охрана впредь станет сопровождать господ Сона и Джина.

Ещё недавно ютившаяся в одном доме со скотиной, уже, наверное, бывшая деревенская баба на эти слова только покачала головой. Господ, ишь ты! Кто бы раньше сказал, что их так станут звать.

Но сопровождающие, оценив данный жест по-своему, принялись уверять её, что их присутствие ни в коей мере не стеснит госпожу и её дочь. На это Кая смогла только вновь покачать головой и двинуться вперёд по мощёной дорожке.

— Мам, а чего они на нас смотрят, как деревенские на лордских мытарей*? — спросила громковатым шёпотом Рейка. Как ребёнок, ещё и с потенциалом Воина Духа, она хорошо чувствовала чужой настрой и легко заметила мешающееся со страхом раздражение в глазах новоявленных сопровождающих.

/* — сборщики налогов, традиционная цель для боязливой ненависти крестьян./

— Не знаю, доченька. Наверно, их напугала Куроме.

— Но сестрёнка же добрая волшебница. Ужели её заботятся?

— Не знаю, сладкая, — повторила Кая, погладив дочку по голове. — Твоя старшая сестра — могучая воительница и слуга важной леди. Мнится, добра она к нам, но не к прочему люду, — добавила женщина, испытывая букет достаточно противоречивых чувств.

— И я! И я стану сильной и важной! — воскликнула девочка. — Меня тоже будут бояться всякие плохие!

— Конечно, милая моя, конечно...

Примечание к части

Пункт тапкоприёма открыт. Как всегда приветствуем комментарии и лайки. Также автор и Куроме благодарят читателей, проводящих обряды пожертвования печенок на Алтарь Печенок.

Если кому-то интересно оценить примерный внешность Рейки, то вы можете её найти в доп. материалах на АТ <https://author.today/work/140927>

А.Н. — бечено х3.

Рейка — няшка, Каю жалко, а Джин — самый тот, кто в песне озвучен... хотя молодость его отчасти извиняет.

Рейка увидела вкусняшку

<http://tl.rulate.ru/book/57083/4987735>